

Тяжело дыша Авут вырвался из толпы врагов на открытое пространство, пришпоривая коня и потрясая мечом в пьянящем удовольствии от кровопролития. Кираса, как единственная часть доспеха была помята и пробита в добром десятке мест, уступив копьям и мечам дорнийцев, а после удара особо удачливого всадника с топором по голове, деформировавшего раздражавший Прасета шлем настолько, что пришлось его сбросить.

Кольчужная рубашка свисала рваными лохмотьями, ее звенья были расколоты множественными ударами, как и изрубленный в щепки щит завешенный за спину, для ее прикрытия. Одни лишь латные рукавицы оставались целыми, обагрившись кровью настолько, что казалось алая жидкость впиталась в сталь на пальцах. И без того не самая хорошая лошадь получив десятки ран, казалось стала выглядеть еще более жалко, постоянно глухо фыркая и потрясая гривастой шеей, вдоль которой шла длинная рана, кровь из которой Авут остановил, даровав животному немного собственной энергии.

Самому Прасету досталось не меньше, кровавые следы виднелись на плече – удар пробил округлую пластину доспеха, свежая рана кровоточила на предплечье и еще несколько виднелись темными разводами на штанах. Сражение шло уже добрый час и многие погибли здесь, в этих рыжих горах, покрытых золотистым песком. В том смешанном отряде из дотракийцев, наемников и валирийцев, изначально было чуть больше полусотни бойцов, но после их самоубийственного прорыва через ряды дорнийцев, на помощь увязшему в битве нанимателю их осталось всего двадцать три, и то двое из них были сильно ранены и вынуждены ехать за спиной у тех, кто успел их подхватить.

Вывавшись из толкучки, грохота сражения и брызг крови, Авут наконец смог осмотреть все поле боя целиком. В пару секунд он разложил подозрную трубу и окинул округу внимательным взглядом. Все были на своих местах, словно и не было кровопролитного боя, где стороны перехватывали инициативу и успех друг у друга.

Томмен Коготь вместе со всеми стрелками отряда еще в самом начале прорвался на гористую возвышенность, где избавился от вражеских лучников и приступил к обстрелу дорнийцев. Авут собственными глазами увидел, как от его стрел с пестрым красно-желтым оперением пали как минимум трое высокопоставленных воинов, схлопотав стрелу в грудь или голову. Менее высоким чинам доставались стрелы от простых лучников, тем не менее действующих не менее успешно и знатно уменьшивших ряды врагов. В то время как близнецы Сэм и Горик, командовавшие чуть больше чем сотней бойцов заняли позиции у подножия и остервенело оборонялись, сдерживая яростные порывы дорнийцев, словно волны накатывавших на подъем, в попытке добраться до неудобно засевших лучников. К сожалению для обитателей пустынного региона братья были лучшими среди воспитанников Авута и дыхательная техника была их неоспоримой частью в сражении.

Все же стрелки врага, стоявшие на роне со всеми, что могли помещать кровавой ловушке были убиты наскочившим на них конным отрядом дотракийцев, под командованием удивительно

лихо чувствующегося себя в седле Милтоса, в первый же десяток минут, в который Рубиновые маски вклинились в бой.

Их наниматель же, оказавшийся кастеляном какого-то там лорда, вошел в бой даже раньше, чем то сделали жадные до крови наемники. Видимо поспешил на помощь своему господину, повязшему в бою, но по итогу чуть не погибнув в окружении, сейчас же и он и его люди были спасены и закружившись крюком, объединившись с остальными дорнийцами, взяли вражеские силы в клещи, зажав их между занятой Рубиновыми масками скалой и собой.

Дорнийцы не любили сражаться большими армиями, всю свою историю предпочитая делить поле боя на клетки и биться на них отрядами в несколько сотен, кооперируясь в случае нужды. Они предпочитали далеко идущую стратегию мимолетной тактике. Но не смотря на то что злые языки клеймили их злобными трусами, сбегавшими от боев в пустыню и привыкших нападать лишь в спину да с ядовитым кинжалом, Авут уважал этот народ, забившийся на южный край материка. Уважал, ибо самобытные дорнийцы были яростными воинами, и даже в битвах со своими соотечественниками они подобно яростным волнам накатывали на ряды врага, отходили и били вновь, перестраивались в один лишь им ведомый момент, под известные лишь их командирам сигналы и нападали вновь, меняя угол атаки, построение и «клетку» своего расположения. Авуту нравилась та кровавая ярость, с которой они били друг друга копьями и с наскока врезались в край построения, отрезая парочку голов изогнутыми мечами и наводя шороху и страху за жизнь при следующей атаке среди уцелевших.

Возможно больше ему нравились только кровопролитные сражения между племенами в его молодости, когда две, или более, кровожадные толпы сходились друг с другом, устраивая ужасное побоище с вырванными деревьями, перепаханной землей и пожарами, оставляя кучки изуродованных, кровоточащих трупов на земле. Конечно дальше следовала куда менее интересная часть – ритуальные пляски шамана, песнопения победителей и что-то вроде пира, но какое-то аскетичное. Настоящий праздник начинался только на раннее утро следующего дня, и эта раздражающая привычка намертво закрепились в голове Патриарха.

Но даже Прасет понимал, что, как не прискорбно, но этого мало. Сейчас основная вражеская сила сдержана благодаря удачной атаке и быстро провернутой ловушке, но очень скоро даже воспитанники Авута, познавшие дыхательные техники усиления за счет смерти окружающих, начнут уставать и тогда чаша может легко перевернуться и расплескать вино победы по полу. Сейчас нужно было что-то большее чем просто яростный азарт и наслаждение битвой. Особенно Рубиновым маскам и планам Прасета по добыче славы ради более кровавых контрактов.

С сожалением Авут выдохнул, и белесая полоса пара вырвалась из его рта и потекла по горячему воздуху пустыни. Дыхательная техника, не сдерживаемая волей практикующего, щедро зачерпнула энергии и пустила ее в бешеном потоке по каналам, заставляя кровь бурлить внутри тела, а мышцы наливаясь неведомой силой, буквально требующей выхода.

Бледные, серо-голубые глаза Авута вспыхнули холодным мерцающим светом, неразличимым под пекущими лучами светила, и лишь зловещие ощущения и дрожь пробежавшая по спинам тех, кого мимолетно коснулся ставший словно потерянным взгляд, говорили об изменениях.

-Победа и кровь! – прозвучал из уст Прасета кроважанный клич, что поддержали десятки, а потом и сотни луженых глоток.

Находясь на острие вновь набравшего силу клина, он врубился в ряды врагов, в яростном упоении прорубая себе путь сквозь строй врагов. Оба его черных валирийских меча рассекали как людей, так и броню дорнийцев, столь легко, словно они были из бумаги. Клинки порхали и летали, с пронзительным свистом проносясь в воздухе, разя каждого врага вставшего на их пути, словно две речки внезапно объединившиеся в один бушующий поток, сходящий с гор.

Смерть настигала каждого и не важно был ли у него щит или доспех, старался блокировать или парировал он удар, что обрушивался на него с чудовищной силой. В Авуте уже не было ничего человеческого, ибо все его тело, подстегиваемое бурлящей духовной энергией, вышло за рамки даже сильнейшего среди людей. Один удар мог убить двоих разом и смертельно ранить третьего, неудачно попавшего под раздачу.

Члены отряда следовали за Прасетом словно мрачные тени птиц падальщиков. Им не хватало знаний и умений в пользовании дыхательной техникой, и их сила лишь приближалась к человеческому пику, но была все еще незаметно далека от него. Но в то время как самые глубокие ощущения, возможные в бою, могли показать лишь базовые изменения, что списывали на всплеск адреналина в бою, наемники компенсировали это яростью и вдохновением от того что господин вел их за собой. И каждая секунда боя наполняла их не меньшим чувством упоения.

На мгновение чувства Авута обострились еще сильнее, и его интуиция настойчиво указала ему другой путь. С лихим выкриком, он потянул за стремяна и клин наемников начал поворачивать, смещаясь на восток, уходя прочь от внезапно показавшихся за рядами рассеяно сражающихся друг с другом дорнийцев ровных фаланг, ощерившихся копьями. Вновь повернув и извернувшись будто змея, линия Рубиновых масок врезалась в спину конного отряда, среди которого Прасет смог усмотреть знамя и явно кого-то высокопоставленного со стороны врага.

Не ожидавшие удара в спину дорнийцы почти не оказали сопротивления коннице вошедшей в их ряды словно стрела в беличью тушку, и теперь наемники стали теми кто перетянул одеяло победы на этой «клетке».

Авут будто играясь отбил выпад копья, нацеленный ему в грудь и ответным ударом оставил кровавую борозду вдоль всего лица врага. Тут же место павшего занял другой, с воинственным кличем попытавшийся с ходу перерубить горло капитана наемников. Прасет склонился к стремени и удар прошел мимо, вскользь задевая одного из дотракийев. Мгновенное движение рукой и свист черного меча закончили жизнь и этого дорнийца, вспоров его правый бок, защищенный одной лишь кольчугой.

Враг перестраивался и кружил, вставая на пути у наемников и все же принимая их удар. Конники сходились в лоб, куда пехота и спешившиеся воины зажимали в тиски с боков. Очень быстро и даже как-то нелепо Авут потерял из виду свою изначальную цель, повязнув в бою с прижавшими его со всех сторон всадниками. Лишь поднятое знамя указывало на то где возможно находился вражеский командир.

Прасет на ходу рубанул дорнийца по макушке, раскроив его череп и тут же потянул за стремяна. Жилистая, серая кобыла, покрытая бурыми пятнами дернулась и забила ногами, кружась на месте, пытаясь выполнить данную ей команду. Но внезапно животное издала жалобный звук и осела тяжелым кулем, чуть не выбив крепко сидящего на ее спине Авута из седла. Копье пронесшегося мимо врага пробilo нижнюю часть живота скакуна, и без того находящаяся на последнем издыхании кляча мгновенно погибла, осев на подогнувшихся ногах.

Тут же к оказавшемуся на земле капитану наемников устремились дорнийцы, стремящиеся поскорее избавиться от все такого же опасного врага, даже падая умудрившегося зарубить двоих. Но раньше чем вражеские копыта добрались до тела Прасета, по полю боя прокатился чудовищный рев боевого рога и порядки дорнийцев дрогнули под новой атакой. Второй конный отряд под командованием разящего своим тонким клинком, словно огромная оса, Милтоса вошел в бок повязшим в бое врагам и разбил их порядки.

-Победа и кровь! – прокричал браавосиец и одно мимолетное движение, словно добирающийся до спрятавшихся в коре червей дятел, прикончил троих дорнийцев. – Перестроиться! В два потока и наискось! Прижмите их!

Воинственный клич поддержали все наемники. Подкрепление еще сильнее разожгло в наемниках ярость, смешавшуюся с чувством досады от уязвленной боевой гордости и нежеланием уступать, и они с удвоенной силой навалились на дорнийцев, погребая их оборону под собой. Авут вновь увидел цель и бросился вперед, крепко сжимая клинки.

Восходящим движением он прикончил первого же рыцаря в стальной кирасе, восходящим движением рубя его голову от челюсти до самой макушки. Пропустив мимо наконечник копья, Авут перерубил позвоночник пролетевшего по инерции врага и тут же возвратным движением пронзил глотку другого дорнийца. Еще через мгновение свистнул второй клинок, перерубая колено почти полностью закованного в латы всадника и тот шумно выпал из седла. Собственный конь прикончил его, в испуге задрывавшись на месте и раздавив голову, словно спелую тыкву.

Вновь прозвучал трубный вой жутких рогов Рубиновых масок и ряды дорнийцев вновь дрогнули. Оставшаяся на возвышенности пехота ударила уже с другой стороны, полностью беря врага в кольцо. Поле боя все сильнее сужалось, ото всюду слышались спешные команды и панические выкрики; лязгала да громыхала сталь и громко ржали кони.

Авут прорвался через ряды врагов, с каждым шагом словно становившихся плотнее. Чуть позади повязли в бое его воспитанники и последователи, но Прасету уже было все равно, раненный и окровавленный, с диким хохотом он устремился на свою цель, чуть отведя клинки назад. Молодой дорниец с выбивавшимися из-под куполообразного шлема с подкладкой черными волосами и смуглой кожей, украшенной на подбородке узкой бородкой восседал на коне рядом со стоячим знаменосцем. Поверх его туники цвета песка плотно сидела кираса с обернутой поперек серой тряпичей, на манер табарда, изображавшей черную опускную решетку ворот на круге песочного поля. Это точно был тот, кто возглавлял вражеских воинов.

Всадник так же увидел мчащегося на него мужчину и развернув коня, двинулся навстречу,

занеся меч и приподняв щит. В момент столкновения, Авут нырнул в сторону и клинок врага пронесся над головой в паре сантиметров, а вот черное лезвие со скрипом прошло по ребрам пегого скакуна, с пеной у рта, вставшего на дыбы. Боль застилала разум зверя, но всадник справился с его приступом и вновь направил коня в новую атаку.

Авут не стал убегать в этот раз, прыгнув, он одним движением перерубил ноги разогнавшегося коня и животное кувырком покатилося по земле, с громким хрустом ломая шею, разорвавшуюся словно свежий холст на котором еще не высохла краска, и подминая под себя ноги закричавшего всадника. Кровь черным пятном потекла из-под их тел по песку.

Прасет оказался рядом в одно мгновение. Так же, как и защитники вражеского командира. Их мечи обрушились сверху, но Авут сдержал каждый клинок, отбив их и даже сумев перерубить морду одного из коней, опрокинув животное вместе со всадником. Новый удар хлестко прошелся по плечу и кровь резво побежала по телу. Но уже через пару секунд ужасная рана, что могла повредить кости – затянулась почти полностью, а нанесящий ее дорниец схватился за рассеченный живот. Другой не успел даже прицелиться своим копьем, как два быстрых взмаха черных мечей лишили его рук, а слитный третий и вовсе разрубил обернутое в бригантину тело.

Двое пеших копьеносцев набросились на наемника с яростным остервенением и наконечники их копий почти нашли свою цель. Почти. Словно ладони отбивающие ветки с пути, плашмя шлепнули по плоским жалам черные мечи и смертоносная сталь бесполезно ушла в песок, открывая воинов двум смертоносным ударам. Оба рухнули без звука, рассеченные от шеи до сердца. Последний дорниец набросился на Авута со слегка изогнутым мечом, несколько раз увернувшись или блокировав мощные удары. Но левый меч наемника вонзился в ступню врага, прибивая ее словно колышек палатку, а второй вонзился в глазницу. Воин коротко вскрикнул и завалился на спину, нелепо распластавшись на желтом песке.

Взгляд Прасета вновь вернулся к хрипящему в его ногах врагу. Воткнув один меч в песок, он перехватил второй за лезвие латными рукавицами и нависнув над лорденышем, замахнулся, заводя руки почти за самую спину и резко нанес удар. Рукоять со звонким щелчком пробила стальную пластину на виске и преодолев череп, пронзила мозг. Барахтавшийся до того дорниец умер мгновенно, опустив лицо в натекающую от лошади лужу крови.

Прасет огляделся. Знаменосец бежал прочь, отчаянно крича и размахивая руками, покуда брошенное знамя на длинном шесте трепетало под ветром пустыни вместе с песком, поднимаемым копытами лошадей и ногами воинов. Враг проигрывал и медленно отступал под натиском солдат лорда и наемников. Многие уже сдались в плен, уповая на честь победителя.

Авут прикрыл глаза, погружаясь в ощущения и с наслаждением потянулся, чувствуя, как растягиваются мышцы и суставы. Бурлящая энергия эфемерными крючьями цеплялась за все естество мужчины, и он с трудом мог сосредоточиться на пустоте мыслей, изгоняя излишки прочь из себя. Конечно от всего ему не избавиться и с каждым разом использования мощи техники он будет становиться все сильнее и сильнее, отличаясь от простых людей куда больше. Продолжительность жизни, крепость тела, сила в конечностях, выносливость и регенерация, все это возвращается правильно усваиваемой с помощью техники духовной энергией. Глубоко выдохнув, Авут выдавил из себя полосу белесого тумана и с довольством размялся, помахивая

мечами. Бой был не плох и даже в некотором смысле хорош, но наемника раздражало то что ему пришлось использовать куда больше сил чем следовало. К сожалению, это была лишь закуска и чтобы утолить кровавый голод Патриарха хотя бы на время требовалось куда больше.

Вновь вздохнув, Авут закинул мечи на плечи и пружинистой походкой подошел к ближайшему скакуну, молодому и по ржавому рыжему, замершему в флегматичном фыркании от песка. Животное даже не смущал плотный, пьянящий запах крови вокруг и мертвец с раскрытым черепом, все еще цеплявшийся ногой за стремя.

Без труда вытолкнув ногу дорнийца, Прасет занял его место в мягком седле и уперев колени в бока жеребца, пустил того в галоп, стремясь поскорее догнать удалившееся побоище.

<http://tl.rulate.ru/book/48855/1230897>